

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ

ЕВА
НЕПОТОПЛЯЕМАЯ

Мария Метлицкая

Ева Непотопляемая

Серия «Рассказы и повести Марии Метлицкой»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12236212
Любовь, или Связь поколений : сборник рассказов: Э; Москва; 2015*

Аннотация

«...Кто-то говорил, что Ева – большая эгоистка. В тридцать лет сделала аборт, от мужа, между прочим. Громко заявила:

– На черта мне дети? Посмотришь на всех на вас – и расхочешь окончательно. Бьешься, рвешься на куски – сопли, пеленки, – а в шестнадцать лет плюнут в морду и хлопнут дверью. Нет уж, увольте.

С этим можно согласиться, а можно и поспорить. Но спорить с Евой почему-то не хотелось. Суждения ее всегда были достаточно резки и бескомпромиссны.

– А как же одинокая старость? – вопрошал кто-то ехидно.

– Разберусь, – бросала Ева. – Были бы средства, а стакан воды и за деньги подадут. Зато проживу жизнь как человек. Без хамства, унижений, страха и обид.

Еву, конечно, все кумушки тут же осудили: что это за женщина, которая не хочет детей? Холодная и расчетливая эгоистка. И все ей аукнется, никто не сомневался...»

Мария Метлицкая

Ева Непотопляемая

В семье говорили про Еву многое. И все – разное. Чтобы столько говорили об одном человеке! Столько суждений и мнений. Хотя понятно, семья с годами разбухла, разрослась. Все женились, разводились – образовывались новые ветви, а там тоже дети, внуки, сводные братья и сестры, бывшие жены и мужья.

Конечно, все люди разные, и мнения тоже у всех свои. Итак, говорили всякое. Например, что Ева – блестящая женщина, негибаемая, как стальной прут. Сумела пережить страшный удар судьбы: двадцать лет, самый пик карьеры блестящей спортсменки-фехтовальщицы – и травма. Что-то с голеностопом. Да такая травма, что не то что о спорте не могло быть и речи – молили Бога, чтобы просто ходила не хромая. Ева научилась и ходить, и не хромать. Год по больницам, три операции. Два года после костыля репетировала походку – легкую, летящую, с носка. Карьера не задалась, а выживать надо было. Стала учиться ювелирному делу. Купила в долг инструменты – штихель, пуансоны, ригель, фальцы, фильеры. Работала с поделочными камнями – яшмой, малахитом, бирюзой. Любила серебро, изделия ее были крупными, массивными, слегка грубоватыми, но имели свою прелесть, оригинальность и шарм. Раскупали все с удовольствием.

ем. Да и сама Ева была наглядным примером, как их нужно носить. И ей действительно все это очень шло – подвижная, суховатая, гибкая, длинное, узкое лицо, крупный породистый нос, темные, чуть навывкате глаза с широким и красивым верхним веком. Крупные, ровные зубы. Гладко затянутые в тугой узел волосы. Шелковый шарфик на длинной жилистой шее. В ушах – малахит в черненном серебре – крупный, неровный, к нему бусы, браслет, кольцо. Узкие брюки, свитерок в обlipку, талия – предмет всеобщей зависти. Садилась в кресло и закидывала одну на другую длинные ноги. В тонких сильных пальцах – сигаретка. Безукоризненный яркий маникюр.

Кто-то говорил, что Ева – большая эгоистка. В тридцать лет сделала аборт, от мужа, между прочим. Громко заявила: – На черта мне дети? Посмотришь на всех на вас – и расхочешь окончательно. Бьешься, рвешься на куски – сопли, пеленки, – а в шестнадцать лет плюнут в морду и хлопнут дверью. Нет уж, увольте.

С этим можно согласиться, а можно и поспорить. Но спорить с Евой почему-то не хотелось. Суждения ее всегда были достаточно резки и бескомпромиссны.

– А как же одинокая старость? – вопрошал кто-то ехидно.

– Разберусь, – бросала Ева. – Были бы средства, а стакан воды и за деньги подадут. Зато проживу жизнь как человек. Без хамства, унижений, страха и обид.

Еву, конечно, все кумушки тут же осудили: что это за

женщина, которая не хочет детей? Холодная и расчетливая эгоистка. И все ей аукнется, никто не сомневался. Муж ее, кстати, человек незначительный, мелкий во всех смыслах, какой-то чиновник средней руки, ничего примечательного, точно не Евин калибр, на эту историю обиделся, собрал вещи и ушел к своей секретарше. Дальше про него неинтересно.

А замуж Ева так больше и не вышла. Говорила, что все поняла и ничего привлекательного в этом нет. Что ж, в это вполне верилось. Хотя мужиков вокруг нее всегда крутилось достаточно. Спустя несколько лет ювелирное дело свое она забросила. Говорила, что сильно упало зрение. Да и реализовывать это с годами стало все труднее и труднее.

К середине жизни она оказалась в школе. Правда, не совсем обычной, а английской, элитной, лучшей в районе. И очень престижной. Считалось большой удачей устроить туда свое дитяtko. Работали либо регалии, либо важный звонок сверху, либо весомое подношение. Должность ее называлась «секретарь директора». Вроде и должность – ерунда, никакая, что с секретарши возьмешь? Но тут надо учитывать некоторые обстоятельства.

Во-первых, директриса была из старой гвардии, дама почтенного возраста, ярая коммунистка и сталинистка, интригами и прочими вопросами не интересовавшаяся вовсе. И тут Ева всю развернулась. Ее энергия была ключом – она точно оказалась на своем месте: сводила нужных людей, выстраивала сложные цепочки отношений, без стеснения вы-

деляла наиболее выгодных родителей, без смущения пользовалась их услугами и связями. Доставала лучшие билеты на лучшие премьеры, ей были открыты двери в закрытые ателье Литфонда и ВТО, известная секция в ГУМе была к ее услугам постоянно, продуктовые заказы с финской колбасой, икрой и крабами, французская косметика, югославские плитки и обои, японские телевизоры, индийское постельное белье, Булгаков и Цветаева, изданные крохотными тиражами и продающиеся исключительно за валюту, лучшая медицина Москвы, путевки в самые недоступные санатории... Словом, балом в школе правила исключительно Ева, умевшая интриговать, дружить и «подруживать». Часами висела на телефоне и устраивала чьи-то судьбы. Иногда вполне бескорыстно – ей нравился сам процесс.

Короче говоря, царствовала и правила уверенно и с удовольствием. Когда она шла по школе, расступались притихшие дети и склоняли голову в почтении учителя. Решала Ева вопросы любой сложности. Так к ней приклеилось еще одно определение – «Ева Ловкая и Всемогущая». Кто осуждал (а таких было множество, впрочем не брезгавших ее помощью), называли ее совсем коротко – деляга... Было много завистников. А чему завидовать? Это тоже талант – суметь так организовывать и использовать людей. Наверняка деньги Ева тоже брала. По крайней мере, перехватить у нее можно было всегда – и довольно крупную сумму. В долг она давала легко и никогда не напоминала о нем забывчивым долж-

никам. В общем, она была еще и Евой Благородной. Сидела она в своем предбаннике, именующемся канцелярией, покачивая крупными серьгами и дымя сигареткой (это ей тоже разрешалось непосредственно на рабочем месте), и разруливала вопросы почти мирового масштаба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.